

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ГРОДНЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯНКИ КУПАЛЫ»

Научное электронное издание

СЛАВЯНСКИЙ МИР И НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Сборник научных статей

В 2 частях.
ЧАСТЬ 2

Гродно
ГрГУ им. Янки Купалы
2024

УДК 81'1
ББК 81.0
С47

Рекомендовано Редакционно-издательским советом
ГрГУ им. Янки Купалы

Редакционная коллегия:

Т. А. Пивоварчик (гл. ред.), *И. А. Герасимчик*,
А. В. Зезюлевич, *И. И. Минчук*, *Т. В. Сивова*

Рецензенты:

Биюмена А. А., доктор филологических наук, доцент
(Минский государственный лингвистический университет);
Автухович Т. Е., доктор филологических наук, профессор
(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)

Издаётся в авторской редакции
Ответственный за выпуск *А. В. Зезюлевич*

Техническое редактирование: *Я. Я. Пекарь*, *М. В. Вахмянина*
Компьютерная вёрстка: *И. П. Зимницкая*
Дизайн упаковки: *Ю. В. Минчук*
Подготовка упаковки: *А. И. Соболева*

Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации [Электронный ресурс] : сб. науч. ст. : в 2 ч. Ч. 2 / ГрГУ им. Янки Купалы ; редкол.: Т. А. Пивоварчик (гл. ред.) [и др.]. – Объём электрон. дан. 7,6 Мбайт. – 34,0 уч.-изд. л. – Гродно : ГрГУ, 2024. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Тираж 10 экз. – Заказ 059.

ISBN 978-985-582-639-3 (ч. 2)
ISBN 978-985-582-637-9

Сборник научных статей содержит результаты исследований, представленных на XVII Международных Карских чтениях (16–17 мая 2024 г.), посвящённых изучению и развитию научного наследия академика Е. Ф. Карского. Организатором чтений выступил коллектив кафедры журналистики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. По структуре сборник состоит из двух частей. Первая часть включает разделы, в которых представлены статьи о научном наследии Е. Ф. Карского и его современников, актуальных вопросах современного славянского языкознания, языковой стереотипии и языковой моде в современном медиатексте, лингвистике цвета. Во второй части сборника опубликованы результаты исследований в русле медиалингвистики, цветоведения и литературоведения. Издание адресовано научным работникам, преподавателям вузов, аспирантам, магистрантам, студентам, учителям-словесникам, журналистам, специалистам в области информации и коммуникации.

УДК 81'1
ББК 81.0

Издатель и изготовитель:
учреждение образования

«Гродненский государственный университет имени Янки Купалы».

Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/261 от 22.02.2024.

Ул. Ожешко, д. 22, 230023, Гродно, Республика Беларусь.
www.grsu.by

ISBN 978-985-582-639-3 (ч. 2)
ISBN 978-985-582-637-9

© Учреждение образования
«Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы», 2024

Подводя итог проведенному исследованию, следует отметить, что в представленном материале наличествуют флоронимы различной структуры (одноосновные дериваты, неосемантимы, композиты, номинации-словосочетания), а также – происхождения: для многих наименований можно предположить их возникновение в результате калькирования или как минимум влияния иноязычного наименования.

Список литературы

1. Варбот, Ж. Ж. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии [Электронный ресурс] / Ж. Ж. Варбот, А. Ф. Журавлев. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/contents.nsf/etymology_terms. – Дата доступа: 01.06.2024.

2. WSJP – Wielki słownik języka polskiego [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wsjp.pl/haslo/podglad/55466/jaskier/5170736/roslina>. – Дата доступа: 01.06.2024.

3. ЕСУМ – Етимологічний словник української мови : в 7 т. / АН УРСР : Інститут мовознавства ім. О. О. Потебні. – Київ : Наук. думка, 1982. – Т. 1. – 634 с.

Широква Александра Александровна, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.

Shirokova Alexandra

Lomonosov Moscow State University

e-mail: szuroczka.szyrokowa@gmail.com

SIGN OF COLOR IN THE FLORONYMS OF THE MODERN LITERARY POLISH LANGUAGE (ON AN EAST SLAVIC BACKGROUND)

This paper examines floronyms presented in modern Polish and East Slavic languages (Russian, Ukrainian, and Belarusian), in which color indication is nominatively fixed. Statistical, etymological, and word-formation analysis of the materials under consideration is conducted.

Keywords: floronym, phytonym, nomination, nominative feature, color.

УДК 811.16

М. С. Хмелевский, А. В. Савченко, И. В. Кузнецова

ЦВЕТОВАЯ ПАЛИТРА У СЛАВЯН ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Представлен обзор символики цвета в славянских языках, производится анализ семантики и значений основной «цветовой гаммы» – наименований цвета в лингвокультурологическом и фразеологическом плане с фоновым этимологическим комментарием лексем, обозначающих цвета в славянских языках.

Ключевые слова: цветовая символика, славянские языки, лексикология, лингвокультурология.

Несмотря на близкородственность славянских языков и поэтому нередко имеющееся лексико-семантическое сходство, у лексем рассматриваемой группы обнаруживаются различия на сигнификативном и – шире – лингвокультурологическом уровнях, т. е. с точки зрения вербально выраженного в определенном славянском языке национального опыта понимания и осмысления той или иной лексемы в общей системе ценностей, ее коннотативные, функционально-прагматические и образно-стилистические особенности употребления, непосредственно отражаемые в языковой картине мира. Нередко такие лексемы образуют не всегда схожие (а порой и прямо противоположные) ассоциативные ряды, что проявляется в менталитете, национальном сознании, находя отражение и непосредственно реализуясь на вербальном, языковом уровне; зачастую это обусловлено в том числе и экстралингвистическими (историческими, культурными, философско-религиозными, психолингвистическими, социолингвистическими и др.) факторами.

Сказанное выше вполне логично объясняется экстралингвистическими и психолингвистическими факторами, поскольку восприятие цвета человеком по своей сути является его субъективной оценкой окружающего мира, который сам по себе априорно разнообразен даже у близкородственных славянских народов: природные и климатические условия, внешность типичного представителя этноса, представления о красоте и многое другое, что часто обуславливают и внутренний ассоциативный фон цветовой номинации. Так, к примеру, не будут абсолютно взаимозаменяемы родственные по своему происхождению славянские цветовые лексемы в таких сочетаниях, как польск. *zielone niebo*, укр. *зелене море*, *чорна вода*, рус. *синее море*, *голубое озеро*, серб. *црно језеро* и т. п., хотя в действительности цвет водоема одинаков и зачастую не соответствует его объективному цвету, а оценочный эпитет разными народами дается в рамках своего лингвокультурологического, «стереотипно воспроизводимого», «цветового» лексического наполнения.

Этим можно объяснить мотивированность большинства лексем, обозначающих цвет, их производность от сравнений, например: рус. *зеленый*, серб. *зелени*, чешск. *zelený* и т. п. от *зель*, *озимь* (при этом данное славянское слово родственно нем. *geld*, где оно обозначает желтый цвет), рус. *синий* – как темная синева неба, «сияние», восходящее к праиндоевропейскому корню в значении ‘черный, темный’, рус. *голубой* – как цвет оперения на шейке голубя, рус. *червонный*, сербск. *црвени*, чешск. *červený* – от ‘червь’ и т. п. [1, с. 128; 2, с. 89]. В продолжение темы можно привести более прозрачные по своей мотивировке слова: рус. *салатовый*, *янтарный*, *изумрудный*, *бирюзовый*, *гранатовый*, *рябиновый*, *лиловый*, *фиоле-*

товый, укр. *калиновий, вишневий, волошковий* и т. п., образованные от существительных. Сравним такие поэтические эпитеты по отношению к славянским странам и городам, как польск. *zielona Polska*, рус. *голубая, бирюзовая Россия* («Я покинул родимый дом. Голубую оставил Русь» /С. Есенин/, в значении ‘бескрайнюю, необъятную, широкую’), серб. *малинова Србија*, чеш. *zlatá Praha*, рус. *белокаменная* (Москва), рус. *зеленая Русь* (о Сибири) и т. п.

Большинство лексем, номинирующих цвета, во всех славянских языках зачастую мотивированы тем или иным существительным, как, среди прочего: рус. *золотой*, польск. *brązowy* ‘коричневый’ или польск. *piwny* ‘карий’ (например, о цвете глаз), ср. рус. *рудый* и чешск. *Rudé náměstí* ‘Красная площадь’, а также серб. *plava kosa* ‘светлые волосы’ (букв. *plav* ‘синий, голубой’). Названия цвета часто выступают в качестве устойчивых фразеологизированных (resp. идиоматизированных) единиц, где ярко проявляется разница в их ассоциативном восприятии у славян, например: чешск. *pivné vlasy* – ‘красивые, янтарные волосы’ (вспомним концепт «пиво» как национальный напиток янтарного цвета, воспетый в чешской культуре и совершенно не совпадающий по своей ассоциативной наполненности с другими, даже близкородственными славянскими культурами), рус. *на черный день*, серб. *raditi na crno* ‘делать / работать подпольно, нелегально’, серб. *crna ovca* = рус. *белая ворона*, чешск. *jet na cerno* или серб. *iћи na црно* – ‘ехать зайцем’.

В рассматриваемом плане примечательно, например, рус. *красный*, которое, практически полностью оторвавшись от исконного и сохраняющегося в некоторых славянских языках значения ‘красивый’ (исключения – фольклоризмы *красна девица* (*дева*), *красно солнце, лето красное, красна изба не углами*, а *красна пирогами*), в языковом сознании, равно как и метафорическом восприятии, отсылает носителя русской культуры, в первую очередь, как к фольклору, так и к истории России. В других славянских языках аналоги чешск. *červený*, укр. *червоний*, серб. *crveni* имеют не всегда и не полностью тождественное ассоциативное и семантическое наполнение, как например, созвучное в русском прилагательное *червонный*. Лексема, обозначающая этот цвет в русском языке (*красный*), в чешском языке является классическим примером межславянской омонимии – *krásný* (*красивый*), как и словенская лексема *rumen* ‘желтый’ (ср. с рус. *румяный*).

Даже в оценке внешности человека цвет как субъективная характеристика даже у близкородственных народов зачастую может не совпадать. Так, например, русское выражение *светлые волосы* соответствует сербскому *plava kosa* – букв. «голубые волосы», рус. *карие глаза* – польск. *piwnie*

осзу (не только разговорный оборот, но и официальный юридический термин), серб. *кестењасте очи* – букв. «каштановые». В этой связи можно привести примеры наименования рек-национальных символов, воспетых в литературе каждого народа с помощью разных цветowych эпитетов, характерных для наименования «прекрасного», но объективно не соответствующих их действительному цвету: укр. *чорне море* (Днепр), польск. *Wisła zielona*, серб. *плави Дунав* – «голубой Дунай», серб. *Црно језеро* – букв. «черное озеро» и т. п.

Даже в описании внешности человека и его характеристики в культуре и литературе разные славянские народы в силу экстралингвистических факторов различного характера прибегают к разным эпитетам, а их буквальный перевод, несмотря на схожесть однокоренных лексем, может привести к недопониманию (а в отдельных случаях – и к полному непониманию) образа, характеризуемого цветowym эпитетом, как реального, так и литературного персонажа или образа.

Для иллюстрации сказанного сравним в контексте русский эпитет для оценки женской внешности *черноглазая* и украинский *чорноока*. Так, в Корпусе русского языка чаще встречаются характеристики с негативной окраской: *Большеглазая, большеротая и черноглазая жена генерала; Черноокая загадочная поэтесса из Санкт-Петербурга; Черноглазая, как цыганка, словно ведьма; Черноглазая и смуглая азиатка; Османа ждала дома его черноглазая Ахмарь* и т. п. [3]. Тогда как в украинском культурологическом сознании и употреблении данной лексики мы находим исключительно положительные коннотации описания, подчеркивающие красоту человека: *У Марічки діти були гарні, чорнооки і веселі; Він так любить свою чорнооку і кругловиду Галю; Чорноокий юнак стояв на порозі рідної хати; Чорноока та струмка (дівчина) усміхалася так весело* и т. п. [4]. Эти примеры показывают, насколько экстралингвистически обосновано использование эпитета для подчеркивания положительной характеристики образа: там, где в украинском употребляется *чорноокий*, в русском с той же частотностью мы бы встретили эпитет *голубоглазый* (реже – *кареглазый*).

В том же смысле с переводческой точки зрения не взаимозаменяемы русская лексема, характеризующая не только внешность, но и художественный образ человека, – *чернобровый* и почти полностью совпадающая по звучанию украинская – *чорнобровий*, которые вызывают совершенно разные культурологические коннотации и ассоциации. Для иллюстрации приведем примеры из словарей двух языков: рус. *Толстая чернобровая старуха с покатыми плечами; Тощая, очень чернобровая, с плохими зубами; Чернобровая в лохмотьях ко мне цыганка подошла; Ключница у него жен-*

щина лет за 35, полная, чернобровая и с усами; Чернобровая старуха, переломленная в пояснице и т. п. [3]. Как видим, в русском культурологическом сознании *чернобровый / чернобровая* зачастую ассоциируется с чем-то чужим или чуждым, а следовательно, непонятым, агрессивным и отрицательным по внешним и, соответственно, внутренним своим качествам. Однако в близкородственном украинском мы встречаем употребление эпитета *чорнобривий / чорноброва* в контекстах для подчеркивания исключительно положительных внешних и внутренних качеств человека: *Чорнобрива красуня стояла – очей було не відвести!; Що ж ти, чорнобрива, серце мені розбила?; Поїхав мій коханий чорнобривий на чужину; Народився хлопчик красивий, чорнобривий, викопаний батько*, причем отметим, что нередко этот эпитет в разговорной речи, фольклоре и художественной литературе употребляется как синоним к этнониму *украинец / украинка* [4].

Таким образом, даже те немногие приведенные нами примеры красноречиво демонстрируют «лексическое тождество» основного «ядра» колористической лексики в славянских языках (с некоторыми оговорками и сдвигами семантических значений, произошедших в ходе самостоятельного развития отдельных славянских языков), однако в функционально-стилистическом, образно-ассоциативном, семантико-прагматическом аспектах, а также в области культурологического восприятия и связанных с ним экстралингвистических особенностей такого рода лексем, мы наблюдаем частое расхождение в референциальных отношениях (т. е. при соотношении языковых выражений с внеязыковой действительностью) в близкородственных славянских языках.

Список литературы

1. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1987. – 864 с.
2. Етимологічний словник української мови. – Київ : Наукова думка, 1982. – 631 с.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 13.03.2024.
4. Словник української мови : в 11 т. – Київ : Наукова думка, 1970–1980.

Хмелевский Михаил Сергеевич, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Савченко Александр Викторович, Государственный университет Чжэнчжи, г. Тайбэй, Тайвань.

Кузнецова Ирина Владимировна, Чувашский государственный педагогический университет имени И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Российская Федерация.

Khmelevsky Mikhail

St Petersburg University
e-mail: chmelevskij@mail.ru

Savchenko Alexandr

National Chengchi University
e-mail: savchenko75@mail.ru

Kuznetsova Irina

I. Y. Yakovlev State Pedagogical University of Chuvashia
e-mail: irinak47@yandex.ru

COLOR PALETTE OF THE SLAVS IN PHRASEOLOGICAL AND LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECTS

Given paper provides an overview of the symbolism of color in Slavic languages, namely, an analysis of the semantics and meanings of the main «scale of colours»: the names of colors in linguocultural and phraseological terms with a background etymological commentary of lexemes denoting colors in Slavic languages.

Keywords: color symbolism, Slavic languages, lexicology, linguoculturology.

УДК 81

Т. М. Рогожникова

АССОЦИАТИВНАЯ ЦВЕТНОСТЬ ВЕРБАЛЬНОЙ МОДЕЛИ КАК ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ КОД

Обсуждаются проблемы языковой презентации цвета, его внешней и внутренней форм. Рассматриваются особенности внутренней формы, согласующиеся с авторским определением суггестивного потенциала и суггестивных ресурсов вербальных моделей. Анализируются экспериментальные данные, позволяющие автору рассматривать ассоциативную цветность как особый психолингвистический инструмент, с помощью которого возможно судить о силе и качестве воздействия речевого продукта.

Ключевые слова: ассоциативная цветность, суггестивный потенциал, этнокультурный код, вербальная модель.

Данная публикация планировалась как иллюстрация тем теоретическим соображениям, которые высказывались ранее в работах [1; 2]. Одним из важных результатов проделанного анализа являются модели, представленные в виде *картин ассоциативной цветности*, в которых в равных долях закодированы ассоциативные цвета всех звукобукв русского, английского, татарского, башкирского и немецкого языков (рис. 1). Идею создания